

Стало зрение сердца
Острее,
Если сердце прошло
Через ад...
Дорогие,
Миритесь быстрее —
Не существенно,
Кто виноват.

Я прошу вас,
Поймите быстрее —
В битве душ
Победителей нет.
Стало зрение сердца
Острее
После всех испытаний
И бед.

Юлия Друнина
«Стало зрение сердца...»

Наглая пчела назойливо жужжала над ухом, и так хотелось окончательно разозлиться и отмахнуться от нее раздраженно — пошла прочь, зануда такая, чего привязалась!

Конечно, нельзя этого делать, понятно. Эта тварь за ответочкой не постоит. Но хотелось просто ужасно, до злобы! Будто эта мелкая злоба была последней каплей, последней провокацией того, того...

А чего, собственно, того? Почему она так психует, ведь ничего плохого в ее жизни не происходит, все идет обычным порядком! Все у нее есть, что полагается для нормальной женской жизни... Муж, дом, ребенок. С работы пока не выгоняют, слава богу. Пусть и пришлось провести всю весну на удаленке по причине набившей оскомины пандемии, но ведь не одна она такая! А если уж совсем честной быть — в этой удаленке свои плюсы есть... Можно утром поспать подольше, можно больше времени себе уделить. К тому же

ВЕРА КОЛОЧКОВА

удаленка уже и закончилась, можно на работу идти. Как говорится, на людей посмотреть, себя показать. А зачем еще благополучной во всех отношениях женщине нужно ходить на работу? Только для самоутверждения да для того, чтобы дома не сидеть, не скучать. Выходит, и это все в ее жизни есть... Все хорошо, все замечательно, и чего она в такой депресняк ударилась, ей-богу? Нет, надо как-то выходить, взбодриться...

Подняла голову, расправила плечи, прислушалась. Кажется, улетела пчела, мало ли у нее всяких дел. Можно по сторонам оглядеться... Ведь правда же, хорошо! И двор у них такой зеленый, уютный, и скамейка эта у детской площадки... Денек выдался тихий, спокойный. Солнышко в глаза ласково светит, ветер листочки на деревьях перебирает, будто нежные женские пальчики трогает игриво. Хорошо! Сиди себе, наслаждайся. Но нет же, не получается! Все нутро будто спиралью скрутило, изогла бедная душенька недовольством так, что зубы свело! Еще и хрипатый голос Высоцкого слышен из окна третьего этажа: «...Нет, ребята, все не так... Все не так, ребята...» Так и хочется ему подпеть, да чтобы с такой же отчаянной хрипотцой! Все не так! Все не так, ребята, не так!

Нет. Хватит уже, правда. Что это с ней, ей-богу? Отвлечь себя как-то надо, вывести из этого

Темное время души

жуткого состояния. Да хотя бы за жизнью двора спокойно понаблюдать... То еще развлечение, между прочим!

Вон соседка с пятого этажа перегнулась через перила балкона — еще немного, и наружу вывалится. Чего это она? А, понятно... Высматривает зорким орлиным глазом свое потомство. А чего его высматривать? Вон оно, шурует на велике по дорожке...

— Олеся! Доченька! Не смей выезжать со двора! Катайся вокруг детской площадки, а со двора не смей! Слышишь, что я тебе говорю, Олеся?

— Да ладно, мам... — послышался уверенный голосок проезжавшей как раз мимо нее нимфетки в розовых лосинах. Так махнула эта нимфетка ручонкой, будто ей материнские тревоги поперек горла стояли. Хоть и впрямь вывалились мать с балкона ей под ноги, проедет мимо и не заметит. Вот тебе и Олеся, доченька...

Проводила глазами нимфетку, усмехнулась грустно. Тетка, стало быть. Тоже Олеся. А еще подумалось вдруг — надо же, как долго на эти имена мода держится! Уж сколько наплодилось этих Олесей да Ксений, Настей да Кристин! Они что, сами эти, нынешние, тридцатилетние уже Леси, Ксюши, Кристи да Насти не могут для своих дочек что-нибудь новенькое изобрести? Она вот, например, свою Лизой назвала. А что? Неплохо! Имя не избитое, запоминающееся. Не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

то что у нее! И в школе была уже пятой Олесей в классе, и в институте не лучше...

Хотя Веничка говорит, что ей ее имя очень идет. Образ дополняет. А он знает, что говорит, он человек творческий, художник... Так порой может высказаться, что слушаешь его, уши развесив. А еще непонятно бывает, где он правду говорит, а где привирает насмешливо. То ли и впрямь смеется над ней, то ли комплимент отвешивает...

«У тебя, Леська, не просто ярко выраженная телесная худоба, она у тебя гармонично художественная. Матушка-природа, когда твою плоть лепила, наверное, чего-то жирного объелась, вот и создала шедевр минимализма...»

Ну вот как, как к этому относиться, интересно? Неужели нельзя просто сказать, что ему нравится ее худоба? Нет ведь, надо обязательно природу-матушку приплести, которая чего-то жирного объелась! Даже звучит отвратительно — фу... Какой же это комплимент, если так звучит?

Но что делать? Приходится верить, что это и впрямь комплимент. К тому же Веничка в этот момент так нежно и осторожно обхватывает широкими грубыми ладонями ее тоненькие запястья и привлекает к себе, усмехается в густую рыжую бороду... «К тебе же, Лесь, и прикоснуться-то страшно, как к тонкому первому льду — а вдруг он под тобой сломается! Хотя это и привлекает,

Темное время души

чего уж там! Всегда ведь хочется по тонкой грани пройти — и в живых остаться, и кайф свой словить...»

Ей и самой нравилась ее выпирающая из тела худоба, нравились торчащие высокими дугами ключицы, и узенькие предплечья на фоне не обиженной природой груди, и стиральная доска ребрышек, и худые острые коленки — все нравилось! Вот только ростом природа ее обделила, причем сильно обделила, обидела даже! А в остальном — вполне модельная фактура, обаяшка-унисекс с кокетливой походкой от бедра и будто заплетающимся при ходьбе тонкими кривоватыми ножками. Хотя это Веничка говорит, что они у нее слегка кривоватые. На самом деле вовсе не так! Нормальные у нее ноги, прямые! А он... Он просто шутит неловко. Нравится ему, когда она злится. И сразу начинает ее по голове гладить — успокойся, мол, дурочка маленькая... А она и того больше на эту «дурочку» злиться начинает! Но тоже как бы понарошку, шутя. Потому что знает, что и волосы ее, к которым он прикасается, ему тоже ужасно нравятся. Шикарная грива непослушных волос, торчащих, как им хочется, неровными спиральками в разные стороны. Лицо ее в их обрамлении кажется совсем маленьким и прозрачным, как у голодного несчастного ребенка, и в этом тоже есть своя прелесть, как считает Веничка.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Веничка, Веничка... Чего это она вдруг о нем?.. К тому же давно привыкла к его странным комплиментам, уже на этот счет не озадачивалась... Трехлетний стаж для любовников — это ведь много уже, чтобы озадачиваться тем, кто и что друг другу сказал. И как сказал. И когда сказал. Да он даже ей в любви ни разу не признавался, если на то пошло! Ей и не надо было, в общем... Просто с ним ужасно интересно было, вот и все.

Да, он такой. Необычный. Умница и пьяница. Стареющий, но красивый и неухоженный бородатый мужик. Да, да, так бывает! Чтобы красота и неухоженность каким-то чудным образом сочетались. А еще он талантливый художник, известный в богемных кругах как Веня Ляховский. И черт его знает почему, но она многое ему позволяла, в том числе и насмешливые высказывания о своей внешности. Вот кому понравится, когда об этой самой внешности говорят в слегка уничижительной тональности? Никому не понравится. А ей странным образом нравилось... Хоть она и возмущалась приличия ради.

— Твое лицо, Леська, именно волосы и делают значительным, — говорил он, улыбаясь в бороду и разглядывая ее влажными выпуклыми глазами. — Потому что лицо твое, если убрать волосы, совсем уж никаковское получается. Глазки у тебя близко посажены и круглые, как у рыбки,

Темное время души

носик неровный, рот совсем маленький: ложка не пролезет. Кожа лица тонкая и бледная, будто ее макнули в серую краску...

— Ну уж! Тебя послушать, так я совсем уродиной выгляжу! И вообще... Я к тебе портретом на холст не навязываюсь и в натурщицы не напрашиваюсь! Если бы даже об этом просил, ни за что бы не согласилась!

— Да ты не обижайся, Леська, что ты... До конца не дослушала, а обижаешься! Я ведь что хотел сказать... Я хотел сказать, что именно некрасивости эти, в одном месте так удачно совмещенные, тебя красавицей и делают... Притягивают магнитом странного какого-то обаяния, идущего, как и все самое интересное в природе, от противного... Парадокс, да и только!

Она делала сердитое лицо, недовольно пожимала плечиком, но не обижалась. А чего обижаться? Он же художник... Личность неординарная, божественная, и взгляд у него на все тоже такой... Неординарный. Развлекает ее как-то — и слава богу... И даже, как ей казалось, приглашает в свой мир, в котором все не так, как в привычной для нее жизни, все по-другому...

Иногда она задавалась трудным для себя вопросом: кто он для нее вообще? Как-то не хотелось привязывать к Веничке это пошлое слово — любовник... Да оно и само по себе не привязывалось, потому что все страсти меж ними случились

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в первые месяцы их связи, а потом эта связь переросла уже во что-то другое. В духовное, что ли? В дружеское? Возможно, и так... По крайней мере, она могла ему все про себя рассказать. Про то, как заскучала вдруг, пребывая в своей вполне благополучной семейной жизни, как накатывает ни с того ни с сего такая тоска, что хоть умри...

— Ну вот почему так происходит, а, Веничка? Ведь все же у меня хорошо... И замуж вроде за своего Лешика по любви вышла, и дочку от него родила, и живем в хорошей квартире, которая Лешику от бабушки с дедом досталась, места всем хватает! Ипотекой не маемся, последнюю корочку хлеба по бедности не догрызаем...

— Может, это как раз и плохо, что не маетесь да не догрызаете... — грустно вздохнул Веничка, глядя куда-то в сторону. — Плохо, что трудностей у вас нет. Должны они быть, трудности-то, обязательно быть должны!

— Да ну... Что ты такое говоришь?

— А то и говорю... Преодоление трудностей — это и есть жизнь, Леська. Нормальная счастливая жизнь. Взросление двух неразвитых юных душеньек, которые образовали ячейку общества. А без этого они так и остаются детскими, душеньки-то. И маяться начинают...

— Но ведь Лешик, мой муж, вовсе не мается! Он всем доволен! Он никогда никакой тоски не испытывает, живет и живет!

Темное время души

— Значит, у него душа сама по себе взрослая и жизнь с благодарностью принимает. А у тебя душа детская, неразвитая. Эгоистичная и капризная. Ей взрослеть надо, а она на месте стоит... Оттого и мается. Ей двигаться дальше надо, развиваться, а то и вовсе заматереть мудрой силой...

— Да все с моей душой нормально, не придумывай!

— Так это не я придумываю, это ты на тоску жалуешься. Я тебе объяснить пытаюсь, почему природой так устроено, понимаешь? Чтобы душа все время в движении была. То есть в определенном движении, в правильном, по спирали и вверх, вверх! И не дай бог, если она сама по себе рванет вперед без оглядки, да не туда, куда надо, да вместо взросления в другие дебри забрести сподобится! Или, того хуже, в темную яму провалится. Нет ничего страшнее для души, Леська, чем пройти через темное для нее время... Не дай бог... Ты бойся этого, Леська. Бойся. Темное время души — штука весьма опасная, она там раздваивается, истончается, потом и заболеть может. Слышишь меня, Леська?

— Слышу. Но все равно не очень понимаю, какое это ко мне имеет отношение. И с чего ты взял, что душа у меня не взрослая? Ты что, заглядывал в нее, что ли?

— Нет. Не заглядывал. Просто я художник, я людей по-другому вижу. И пространство во-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

круг них тоже по-другому вижу. И весь мир... И вообще, шла бы ты домой, Леська, твой Лешик тебя заждался уже, наверное. И мне работать надо.

— Ой, да пожалуйста... Подумаешь...

— Не обижайся. Просто каждый должен заниматься своим делом, вот и все. И душой своей только ты должна заниматься, никакой добрый дядя не придет и не поможет ей повзрослеть. Только ты сама...

— Хм... А если я не могу? Вот не могу я сама справиться, плохо мне! И что тогда? Пусть моя душа попадает в это темное время, да?

— Значит, пусть попадает. Значит, когда-нибудь из него выберется, такой у нее трудный путь. Все в твоих руках, Леська. Это твоя жизнь. Я только предостеречь могу, а дальше... Дальше — сама. Такова жизнь, ничего не поделаешь. Я ведь не смогу за тебя ее прожить, даже если бы захотел...

Она ушла тогда, обидевшись. И уже месяц не появлялась в студии у Венички. Как он и говорил — жила своей жизнью, благополучно семейной. И тосковала все больше, и конца этой тоске не было. И причин для нее не было, что обидно... Не принимать же за причину эти путешествия души по темным мирам, как придумал Веничка! Да мало ли что он придумает, он же художник, ему положено фантазировать!

Темное время души

С балкона пятого этажа снова послышался истошно тревожный голос соседки:

— Олеся! Олесенька, где ты? Покажись, я тебя не вижу!

— Да здесь я, мам... — недовольно отозвалась нимфетка в розовых лосинах, выезжая из-за угла дома. — Ну что ты кричишь на весь двор...

Леся видела, как юное создание стрельнуло глазом на группу пацанов, уместившихся на скамье в дальнем конце двора. Стыдно ей было за мать, наверное. Стыдно, что так следит за ней с балкона, тем самым умаляя ее девчачье достоинство. А мать не унималась, и до лампочки ей были дочерние подростковые переживания:

— Олеся, давай домой! Ужинать пора! Хватит, нагулялась, давай домой! Нервы мои не выдерживают, когда ты на своем велике по двору егзишь, того и гляди расшибешься! Или под машину попадешь!

— Да с чего я расшибусь-то, мам?

— А с того! Вечер уже, все на машинах домой возвращаются! Мало ли кто как паркуется... Не заметят тебя, и все!

— Ну мам...

— Хватить с матерью спорить! Иначе вообще больше одну гулять не выпущу, поняла? Давай быстро домой! Не выводи меня из себя!

Нимфетка вяло поплелась к подъезду, скорчив горестную гримаску. Пацаны на скамейке

ВЕРА КОЛОЧКОВА

заготовили громко, и гримаска у нимфетки стала совсем отчаянной, с привкусом набегающей слезной обиды. Леся даже усмехнулась грустно — вот, во-о-от... Вот откуда берется потенциальное непонимание меж матерью и дочерью, вот откуда исходят все комплексы... И ее мама так же домой загоняла в детстве и даже слова такие же выкрикивала — мол, хватит с матерью спорить, не выводи меня из себя...

Но философствовать на эту тему тоже не хотелось. И без нее охотников хватает за эту ниточку тянуть. Глянула на часы, вздохнула сердито — ну где до сих пор Лешик и Лиза ходят, и впрямь вечер уже! Сколько она должна сидеть на этой скамейке во дворе и ждать их? Вот угрозило же ее и ключи утром не взять, на работу опаздывала! И ведь Лешик знает, что она ключи дома забыла, звонила ему днем! И все равно не торопится! Чего добивается, интересно? Чтобы она сейчас Веничке позвонила и под благовидным предлогом исчезла на весь вечер? Этого он от нее хочет?

Сердито дернула молнию на сумке, достала телефон, кликнула номер мужа.

— Леш, ну вы где? От детского сада десять минут до дома идти, а я вас с Лизой уже целый час жду! В чем дело-то? Я голодная как собака! Я же целый день на работе была!

Темное время души

— Ой... Прости, Лесь... А я и забыл, что ты сегодня на работу вышла! Я как-то привык, что ты последнее время на удаленке сидишь...

— Как это — забыл? Я ж тебе на работу звонила, говорила, что ключи дома оставила! И где вы с Лизой сейчас?

— Да мы в магазин еще зашли, нам чешки купить надо было...

— Какие еще чешки?!

Конечно, она прекрасно знала, что это такое. Самой не раз приходилось покупать эти дурацкие тапочки для Лизы. Но сейчас... Сейчас настроение у нее было такое — капризно-раздраженное. И можно было позволить себе не вспомнить, что это еще за чешки такие!

— Да у них завтра соревнования какие-то спортивные, Марь Васильна сказала, что без чешек не приходиться... — торопливо принялся объяснять Лешик. — Ты не психуй, Лесь, мы уже через пять минут будем! Просто Лизиного размера в магазине не было, пришлось в другой идти. Не могла же она завтра прийти без чешек, сама понимаешь...

— Дурдом какой-то, а не детсад... — пробурчала Лесь, нажимая на кнопку отбоя. Вечно чего-нибудь придумают. То бантики в горошек, то непременно белые носочки, теперь вот чешки им подавай... Мало, что ли, мы им денег за все

ВЕРА КОЛОЧКОВА

платим? Как в прорву какую-то платим, честное слово...

Денег за этот коммерческий садик и правда платили много. А главное, как считала Леся, ни за что совсем! Садик как садик, черной икрой с ананасами не кормят... Но раз Лешику в голову запало, что его любимица-красавица доченька должна ходить в самый лучший детский сад — то уже все. Лучше и не спорить. Да и как она будет спорить? На то свои причины есть...

Вернее, причина. Как говорит подруга Танька — пожизненный косяк. То есть для нее, для Леси, пожизненный... Наверное, Танька права с этим ее сермяжным определением. И Лешик прав. И все кругом правы, и никому дела нет, почему она поступила так, а не иначе. Да она и не собиралась оправдываться, еще чего! Перед Танькой ей оправдываться, что ли? Ладно еще перед Лешиком... Перед ним она и в самом деле должна оправдываться, потому как Лешик — ее муж. И отец ее детям. Да, детям... И сыну Коле отец, и дочери Лизочке. И он вовсе не виноват, что она так судьбу их сына решила.

Да что там говорить — не виноват! Он до сих пор ей простить не может, что их сына Коленьку ее мама воспитывает! Но он хоть молчит... Сердится, но молчит. А Танька, которую вообще никто не просит лезть в их семейную жизнь, может себе позволить обидные высказывания:

Темное время души

— Ты, Леська, та самая мать-кукушка и есть — как подкинула в девках сыночка своей матери, так и растет он у тебя двенадцать лет кукушонком! Вот не понимаю тебя, хоть убей...

— Что значит — в девках, Тань? Вообще-то я замужем за Лешиком была!

— Ой, да помню я, как все это было, мне-то не рассказывай! Своими глазами видела! И как замуж ты выходила, и как беременная ходила... А потом подкинула дитя матери и дальше учиться стала! Что я, не помню? Все помню. И никогда понять не могла...

— А тебе и не надо понимать, тебя об этом никто не просит, Тань! Сначала своих роди, потом за чужими подглядывай! Так честнее будет!

— Ну зачем ты так, Лесь? Ты ж мне не чужая... Ты же знаешь, как я вас всех люблю — и тебя, и Лешика, и Лизочку... Да вы мне роднее родных, сама ведь знаешь!

И ведь врет все, зараза! Врет и не краснеет. Потому что на самом деле вовсе не любит. Завидует — да. Но не любит. Да и не подруга она ей по большому счету, а так... Просто к дому прибилась еще с тех пор, как они с Лешиком поженились, теперь метлой ее не прогонишь. И всегда умеет нужной оказаться в трудный момент, всегда готова на любую помощь. И советы эти ее бесконечные... Порой так далеко она с этими советами заходит, что очень хочется нахамить —

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не лезь не в свое дело, Танька! Без тебя разберусь!

Хотя для всех она считается подругой, конечно. И пусть считается, кто ж спорит. У каждой уважающей себя женщины должна быть близкая подруга, так правилами социального поведения положено. Если, мол, нет у тебя подруги, то это значит, с тобой что-то не так. Социум, он такой, всегда горазд на тебя всякие подозрительные ярлыки наклеить. Не объяснять же всем и каждому, что в подоплеке Танькиной к ней привязанности всего лишь ее величество зависть прячется?

Да и пусть завидует. Жалко, что ли? Каждому нравится, когда ему завидуют. Только не каждый осмелится признаться в этом даже самому себе. К тому же и в самом деле есть много причин для Танькиной зависти. Свою женскую жизненную программу она, считай, выполнила и перевыполнила, и все у нее состоялось как надо: и муж хороший, и двое детей, и дом, и достаток стабильно-относительный, и даже любовник экзотический имеется! А у Таньки что? Ни семьи, ни детей нет! Правда, квартира у нее своя, отдельная, а что толку? Все равно пропадает у них целыми вечерами, около чужого огня греется. Поэтому и злится...

Хотя в своих высказываниях про мать-кукушку Танька где-то права, наверное. Сына-то она действительно тогда матери отдала... Думала, на

Темное время души

время, а получилось — навсегда. Нехорошо все это, конечно, и Лешик прав, что на нее сердится, тысячу раз прав! Но что ж делать, тогда обстоятельства так сложились... И не она первая, не она последняя, у которых эти обстоятельства так складываются. Коленька-то был совсем не запланированный, даже в отдаленных планах не числился... Кто она тогда была, соплюха-первокурсница! Какие такие планы могут быть у девочки, которая только-только в институт поступила и не успела даже как следует студенческой жизни попробовать?

Да, так уж получилось. Дура была. Жизни не знала. Приехала из своего военного городка в большой город, в институт поступила. Радовалась, что оторвалась от сурового родительского пригляда. А в сентябре, как и полагается по законам институтской дедовщины, отправили весь их курс на картошку. Там у них с Лешиком все и случилось, она и сама не поняла — как... Может, вольный деревенский воздух ей голову закружил. Может, выпитый портвейн из бутылки, что шла по кругу. Может, песни, которые дружно орали под гитару: «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно!», «Там, где клен шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой!» А еще если прибавить ко всей этой хмельной звуковой какофонии крепкую руку Лешика, которая лежала у нее на плече так

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хорошо, так основательно... И шепот его горячий в ухо — пойдем, пройдемся до реки... На лунную дорожку посмотрим...

Ага. Посмотрели, называется, на лунную дорожку. Еще как посмотрели. Да и не было никакой реки да лунной дорожки, а был только большой стог сена в чистом поле. И одуряющий запах сухой травы, и ветер, и ощущение страха и радости тела, ранее незнакомое.

Лешик потом долго и неловко извинялся, конечно. Все ж таки не просто так, а впервые это у нее было! Она его еще и успокаивала — мол, нормально все, не переживай! В конце концов, должно же было это когда-то случиться! И без того задержалась в девичестве, потому как с моими родителями не забалуешь... Папа военный, у него к жене и дочери строгий спрос. Так что тебе повезло, Лешик, в каком-то смысле! Первым у меня оказался, гордись! Нормально все, не переживай...

Нормально ли, нет ли, а только она взяла, да сразу и залетела! И не сказала никому, дурочка. Да и говорить-то некому было: кругом одни такие же студентки, девчущки-соплюшки, а родителей она до смерти боялась! Папа у нее и впрямь военным был — полковником армейским. Они с матерью всю жизнь по струночке ходили, как солдаты: шаг вправо, шаг влево — сразу под трибунал! Попробуй, скажи им... Хорошо еще, что

Темное время души

Лешик таким порядочным оказался! Сам разглядел, что живот у нее совсем уж неприлично выпирать начал, и предложение ей сразу сделал, и родителей своих на свадьбу уломал, и руки ее попросил у отца с матерью — все как полагается, с цветами и шампанским... Правда, родителям так ничего про ее интересное положение и не сказали. А они искренне недоумевали — зачем ты, дочка, торопишься? Да, парень хороший вроде... Спокойный, ответственный, не балабол. И в армии отслужил, что для папы было решающим фактором. Любовь, что ли, у тебя такая сильная, дочка?

Пришлось тогда ей покраснеть и голову опустить — да, мол, любовь... Такая любовь, что жить без Лешика не могу. На том и порешили — ну, женитесь тогда, что сделаешь, если любовь. Святое чувство. Нельзя поперек любви идти. Так они с Лешиком и поженились, будучи первокурсниками. Потом, после свадьбы, Леся их обрадовала — внук у вас будет скоро, ждите...

Родители и впрямь очень обрадовались! Решили, что внука к себе заберут, пока молодые в институте учатся. Помогут, стало быть, молодой семье. Они с Лешиком не возражали...

Только отец внука так и не увидел — не довелось ему. На учениях машина с солдатами перевернулась и в обрыв слетела. Все живы остались, только отец да водитель погибли — не успели

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вовремя из кабины выбраться. Она тогда как раз на сохранение улеглась, ей и не сказали ничего! Роды-то сложными предполагались, думали, кесарить даже будут. А она сама справилась. Благо, что Кока маленьким родился — два с половиной килограмма всего. Отца к тому времени уж две недели как похоронили... Узнала, когда из роддома выписывалась: по одному только маминскому виду все было уже понятно: почернела вся, постарела в одночасье, только глаза блестят лихорадочно, как у безумной. Вцепилась сразу во внука — даже ее к нему неохотно подпускала! Все твердила: «Мой Кока, мой Кока...» Это она отца всегда Кокой называла, с самой его лейтенантской юности. Поэтому и имя для ребенка им с Лешиком не пришлось выбирать — Николаем записали, в честь дедушки.

Леся сначала хотела отпуск академический оформить, все-таки ребенок маленький, да и маме одной тяжело! А только она вдруг воспротивилась — чуть ли не силой спроводила ее обратно на учебу. Езжай, говорит, к мужу, он хороший парень, семью свою строй, гнездо вей, а я тут с Кокой и сама справлюсь! Тем более, говорит, что и молоко у тебя пропало...

Так Коляска у мамы и остался. Лешик потом, конечно, спохватился, пытался его забрать — да где там! Мама не отдала уже... Ссорились они с ним тогда из-за Коли, чуть не развелись!

Темное время души

— ...Он же наш сын, Леська, ну как ты этого не поймешь! Мой сын! Твой сын! Он должен жить с нами! Я понимаю, раньше мы не могли... Учились, жить негде было... Сейчас же все у нас есть! И работа, и жилье! Вон какая мне от бабушки квартира досталась, всем места хватит с избытком! Ну почему ты не можешь своей маме все объяснить, Леська?

— Как? Как я это ей объясню? Ты же видишь, как она к внуку привязалась, всем нутром в него вросла! Он теперь ее на плаву держит, он единственный смысл ее жизни!

— Но разве можно делать ребенка смыслом жизни? К тому же на нем выплывать?

— Не знаю... И вообще, давай вот без этих твоих психологических изысков обойдемся — что можно да что нельзя... Ты думаешь, я не хочу, что ли, чтобы сын с нами жил? Но что я могу, Лешик, пойми? Может, мне маму сразу убить, а? Что ты мне предлагаешь?

— Нет, я все это понимаю, конечно... Но должен же быть какой-то выход, Лесь... Пусть к нам тогда переезжает, все вместе будем жить...

— Я? Жить с мамой? Да никогда!

— Но почему, Лесь?

— Да потому... Ты хочешь, чтобы мы с тобой по одной струночке ходили под ее жестким приглядом? Ты мою маму не знаешь? Да она же скажет свое слово — как отрубит... Раньше, ког-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

да отец жив был, она тише воды была, ниже травы... Во всем его слушала, слово сказать боялась. А потом ее как прорвало! Такая стала командирша, только удивляться приходится! Наверное, она компенсирует так свое многолетнее подчинение, не знаю... А только мне от этого не легче, пойми! Да и ты тоже... Хочешь быть зятем-подкаблучником, да?

— Значит, ты с властной матерью жить не хочешь, а ребенок твой пусть и дальше живет с властной бабушкой, да? Таковский был? Ты что, совсем своего сына не любишь, что ли?

— Да люблю я, люблю... И маму свою люблю. Но... Что сделаешь, если все уже именно так сложилось? Да и не будет она на Коленьке свою властность проявлять, не бойся. Она его любит без ума...

— Вот именно. Без ума.

— Что ты этим хочешь сказать, интересно?

— Да ничего... Просто я сыну в глаза не могу смотреть, когда мы к твоей маме приезжаем. Будто я бросил его. Он же все понимает, не думай...

— Он что, сам тебе об этом сказал? Что все понимает?

— Да я же отец ему! Я же чувствую...

— А я, значит, плохая мать? Я ничего не чувствую, по-твоему? Да как ты не понимаешь, что у нас сейчас другого выхода нет? Мама ж все равно его не отдаст... И ты смирись, Леш... Время

Темное время души

все расставит по своим местам. Все устроится как-то со временем.

— Может, все-таки попробуем жить вместе с твоей мамой, а?

— Нет, Леш. Я знаю, что ничем хорошим это не закончится.

— Ты все-таки ужасная эгоистка, Леся... Больше о своем удобстве думаешь, чем о сыне. И все, закончим на этом, не говори мне ничего больше... Я тебя услышал, все, Леся, все...

Лешик после всех этих разговоров ушел в себя, замкнулся. Она ему не мешала, знала, что он смирится потихоньку. Характер у него был такой, покладистый, не умел он долго в обиде жить. К тому же вскоре она его обрадовала новостью — готовься, снова отцом станешь.

— Что, подсуетилась, да? — ехидно тогда спросила Танька, но тут же и сама испугалась своего ехидства, поспешила скрыть его приторным восклицанием: — Я так рада за вас с Лешиком, так рада, честное слово! А кто будет, тебе уже сказали? Девочка? Ой, как хорошо... И Лешик успокоится... Он ведь все равно переживает из-за сына, я думаю...

— Конечно, переживает, Тань, — спокойно ответила она, будто и не заметила того самого промелькнувшего злого ехидства. — И я тоже переживаю, что сын живет не с нами. Но что я поделать могу в сложившейся ситуации?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну, не знаю... Я бы на твоём месте все равно на своём настояла... Ведь ты же мать, правда? А бабушка — она всего лишь бабушка... Все права на твоей стороне!

— Ну да, права на моей стороне, действительно. А с мамой как быть? Мне ведь жалко её... Она из тех женщин, которые в одиночестве жить совсем не умеют, им обязательно себя к кому-то прилагать надо. Жены военных — они в основном такие и есть... всю жизнь так живут, в качестве прилагательного. Вот и у мамы так получилось... одного Коки в её жизни не стало — тут же другой появился. Этим она спаслась. И как я могу отнять его, скажи? Хоть и право имею?

Так и остался Коленька у мамы. Они с Лешиком часто к нему ездили, даже машину для этого купили, в долги залезли. Но Лешик до конца так и не смог с этими обстоятельствами смириться. Всегда будто скукоживался душевно, когда с сыном в очередной раз виделся. И суетился, и смотрел виновато, и, казалось, даже разговаривал на два тона ниже. Да ещё и мама зорко следила, чтоб он лишнего чего не сказал, не растревожил ребёнка. И всегда старалась их выпроводить побыстрее...

Зато как Лешик их с Лизочкой из роддома встречал — это отдельная песня! Подбежал, сунул цветы и будто выхватил из её рук драгоценный сверток: мое, мол, никому не отдам! Аку-

Темное время души

шерка, которая ее провожать вышла, даже брови подняла от удивления — что это, мол, за папаша такой странный? Будто еще кто на ребеночка его претендует!

А он вовсе не странный... Он чувство своей вины таким образом утешил. Подсознательно. И свою любовь к сыну — нереализованную. Все это хозяйство Лизочке и досталось сполна. Иногда казалось, что она как мать ей и не нужна вовсе — папа и это место своей любовью занял. Хорошо хоть не комплексовала по этому поводу: пусть будет так, она вовсе не против. Это ведь хорошо, когда меж отцом и дочерью такая любовь!

А, вот и они, голубчики... Наконец-то! Выплыла сладкая парочка из арки — папа с дочкой Ростовцевы! Идут себе, не торопятся, воркуют, как два голубка...

Поднялась со скамьи, пошла им навстречу. А они даже не замечают! Увлечлись беседой, не смотрят в ее сторону. Лешик ее первым увидел:

— Ой, Лизочка! Смотри, мама идет! Ух, какая сердитая... Сейчас попадет нам с тобой по первое число...

— А что это значит, пап, по первое число? — с любопытством спросила Лиза вместо того, чтобы испугаться ее сердитого вида.

— Ну, это так говорят... Я тебе потом объясню... — виновато пробормотал Лешик.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Вы что, за чешками на другой конец города ездили? А про меня забыли совсем? Сижу тут во дворе как неприкаянная... Между прочим, я голодная, сегодня даже пообедать не успела!

— А чего не успела-то? Неужели работой увлеклась? — быстро спросил Лешик, и ей слышалась обидная ирония в его голосе. Хотя наверняка не было никакой иронии — Лешик просто не мог ничего подобного себе позволить. Она знала это прекрасно и все равно разозлилась еще больше — надо же было причину найти для своего дурного настроения! Хотя бы для себя найти...

— Да! Представь себе, увлеклась! Или ты думаешь, что я целый день дурака валяю? Может, я его и валяю, конечно, сильно спорить не буду... Но ты все равно не имеешь права так говорить!

Он посмотрел на нее задумчиво, ничего не ответил. На его языке это называлось так: не давать эмоций для провокации. Лучше, мол, промолчать, целее будешь.

— Знаешь ведь, что я сижу тут без ключей, и не торопишься, идешь себе не спеша! И правильно, чего спешить-то? Главное, чешки купили, а что я голодная, это ж неважно совсем!

Выдала из себя сердитую тираду, и будто легче стало. И тут же понизила голос, будто захныкала жалобно:

— Вот сейчас упаду в обморок, будете знать...

Темное время души

Лешик подхватил ее за талию, проговорил торопливо:

— Пойдем, Лесь, пойдем, рыба моя золотая! Срочно кормить тебя будем! Я ж не знал, что ты не обедала...

— Да если бы и обедала! Ты же знаешь, что я без еды долго не могу! И голода терпеть не могу, организм у меня так устроен!

— Знаю, все знаю про твой организм... И не перестаю удивляться этой его особенности. Вот интересно, как у тебя такой зверский аппетит зарождается? Вроде и места для него особо не предусмотрено... Вон, ребра одни торчат, будто ты и не ешь ничего! Хорошо, что мы с Лизой еще и в продуктовый по пути зашли, колбасы да сыру прикупили, а то вдруг ужина не дождешься — возьмешь и всплывешь кверху брюшком...

— Не всплыву. Выживу как-нибудь. Ну, идемте же скорее...

Дома Лешик, аккуратно повязав на себя фартук с оборочками, принялся так же аккуратно лепить абсолютно правильной формы котлеты, предусмотрительно поставив перед сидящей за кухонным столом Лесей два йогурта и тарелку с бутербродами.

— На, замори пока червячка...

«Какой правильный, добротный у меня муж! — думала она, исподтишка наблюдая за перемещающимся по кухне Лешиком. — Будто из одного

ВЕРА КОЛОЧКОВА

цельного куска вырублен! Ни одного лишнего суетливого движения, все рационально, продумано до мелочей...»

Да, все в нем правильно. И сам он квадратно-правильный, этакий крепыш без лишних выпуклостей вроде пивного животика, и челюсть у него квадратная, и очки квадратные, и даже рубашка в клеточку! И в жизни у него все так же квадратно-правильно получается, геометрически выстроено, никаких тебе изгибов и отклонений! На ужин — котлеты с гарниром, перед сном — обязательный кефир, посуда должна быть вымыта, постель заправлена, ребенок вовремя спать уложен, секс — по вторникам и четвергам... Хотя про секс она только что придумала, конечно. Чтобы в тему «правильности» уместиться. Не было у них секса по расписанию, но все равно... Скука смертная, а не жизнь! И тоска в клеточку...

— Что-то Ольга Петровна давно не звонила, — обернувшись от плиты и сверкнув на нее стеклами очков, сказал вдруг недовольно Лешик. — Как там наш сын-кукушонок живет, интересно?

— Не называй его кукушонком! Мне не нравится!

— Думаешь, мне это нравится, что ли? Ну ладно... Не будем к больной теме возвращаться. Я чего сказать-то хотел... Уже начало августа,

Темное время души

а мы его с июня не видели... Она ж обещала его на выходные привезти, тут и ехать-то всего ничего!

— Ну, мало ли что обещала... Не смогла, значит...

— Или не захотела. Не любит твоя мама к нам в гости ездить. И нас к себе особо не зовет. А у нашего сына каникулы все-таки, мы могли хотя бы на каникулы к себе его забрать!

— Леш... Ну что ты опять начинаешь? Сам же сказал — не будем к больной теме возвращаться. К тому же что ему в городе на каникулах делать? Там хорошо у бабушки, там свежий воздух... Вот бы и Лизу туда отвезти, пусть отдохнет перед школой!

— Нет, зачем... Надо же скоро в школу ее собирать... Покупать все надо... Все-таки первый класс.

— Да успеем, купим!

— Ладно, ладно... Мы подумаем, Лесь. Может, мы сами к ним в Озерск съездим, а? Мне к пятнице уже машину обещали в сервисе сделать. А в воскресенье вернемся... А, Лесь?

— Давай съездим, если так хочешь... — подняв на него виноватые глаза, тихо проговорила она. Глаза всегда у нее оказывались виноватыми, когда речь заходила о Коке, будто она и в самом деле добровольно приняла на себя роль легкомысленной раскаявшейся кукушки, подбросившей

ВЕРА КОЛОЧКОВА

своего птенца в чужое гнездо. — Только мы же в эти выходные к твоим родителям на дачу собирались... И Таньку обещали с собой захватить... Она любит к твоим ездить, уж не знаю почему. Будто медом ей там намазано.

— А, ну да, я забыл совсем! Тогда в эти выходные едем к моим, а в следующий выходной — к твоей маме в Озерск!

— Хорошо, хорошо... Да они еще и сами приедут, раз мама обещала! Вот увидишь!

Лешик ничего не сказал, но глянул на нее с сомнением. Потом деловито принялся переворачивать котлеты на сковородке. Интересно, о чем он думал сейчас? Ведь думал же о чем-то своем? Наверное, о том, что она — плохая мать... Что сына у него отобрала. И что жена плохая — тоже. Потому что это неправильно, когда жена сидит за столом, сложив ручки, и смотрит, как муж суетится с приготовлением ужина. Но разве она в этом виновата? Лешик сам всегда впереди паровоза бежит, сам берет на себя исполнение бытовых обязанностей! Да, все так... Но это еще не значит, что он должен быть счастлив таким положением дел.

Впрочем, ей все равно... Когда такая тоска душу гложет, ничего не имеет значения. Неужели с этой тоской еще и на дачу к свекрови придется тащиться в эти выходные? Улыбаться ей, выслушивать всякую ерунду про урожай огурцов, про

Темное время души

варенье, про соседских кур, которые повадились перелетать через забор и выклеивать клубнику на грядке?

О нет... Этого ее тоскующая душа не выдержит. Это уже явный перебор. Лишняя она на этом празднике дачной жизни.

— Лешик... А ты не сильно обидишься, если я с вами не поеду на дачу?

Голос ее прозвучал так тоскливо, что Лешик обернулся от плиты, глянул удивленно.

— Нет, правда... Что-то я плохо себя чувствую. Голова все время болит, и слабость... Лучше я дома полежу, отдохну...

— Так там и отлежишься на свежем воздухе! Такая погода чудесная, зачем тебе дома сидеть? На вольном ветерке быстрее в себя придешь!

— Ну да, там у вас отлежишься... Твоя мама быстренько всех к делу пристроит — кому дрова колоть, кому в саду работать, кому варенье варить! Да и общаться с ней целый день надо, улыбаться да радоваться, эмоционально напрягаться, а я не хочу... Устала я очень, сил нет. А вы с Лизкой и без меня хорошо отдохнете!

— Да от чего устала-то? — начал было раздражаться Лешик, но, обернувшись и еще раз внимательно глянув на жену, тихо произнес: — Ладно... Делай, что хочешь... Оставайся, мы и без тебя съездим. Только вот Татьяне своей как ты

ВЕРА КОЛОЧКОВА

объяснять будешь, что поездка не состоится? Она же так любит на дачу к моим ездить...

— Да ничего я ей объяснять не буду. Пусть едет, и все. Что она тебе, помешает?

— Ну... Я даже не знаю... Ты ж ей подруга, не я...

— Ой, не смейся! Да ей за счастье будет, если меня рядом не окажется! Пусть хоть на один день себя почувствует в роли замужней женщины! Пусть хоть понарошку...

— Лесь... С ума сошла? О чем ты сейчас говоришь? — обескураженно спросил Лешик, снова переворачивая котлеты на сковородке.

— Ой, да ладно! Шучу я... Чего так растерялся-то? Вон, котлеты уже третий раз перевернул... Пережарятся же!

— Ну и шутки у тебя! И вообще... Как ты так можешь говорить о подруге?

— Да как, Леш?

— Уничжительно, вот как. Насколько я знаю и вижу, Татьяна тебя очень любит. И ко мне тоже хорошо относится. И Лизу любит... Да она уже давно член нашей семьи, она так нам преданна!

— Тебе это все кажется, Леш.

— В смысле — кажется? Я что-то не знаю, да?

— Нет. Нет... Все в порядке. Все в порядке, не обращай внимания...

— Что значит — не обращай внимания? Странно как-то ты говоришь... Я всегда считал

Темное время души

Татьяну верным другом, нашей палочкой-выручалочкой... Она в любое время дня и ночи готова все бросить и примчаться к нам, чтобы помочь... Да она столько для нас делает, Лесь! Всегда безоговорочно с Лизой остается, когда нам куда-то надо! Да что там говорить, она всегда нас выручала, всегда помогала нам от души!

— Ну, все дифирамбы спел или еще что-то в заглавнике осталось? — насмешливо спросила она, выковыривая ложечкой остатки йогурта из баночки. — Если не все, то не стесняйся, пой дальше, я послушаю.

— Лесь! Я не понимаю тебя сейчас, честное слово!

— Конечно, не понимаешь, Леш. Потому что ты добрый и правильный, все принимаешь за чистую монету. А я не такая правильная, у меня другое видение происходящего, вот и все.

— И какое же у тебя видение, интересно?

— А такое... Танька к нам сюда шагает вовсе не потому, что ею движут благие намерения да тонкая душевная организация. А потому, что ей синдром спасателя покою не дает. Ужасная в целом вещь, скажу я тебе...

— Синдром спасателя?

— Ну да... Не мы ей нужны как таковые, а ощущение своей исключительной необходимости нам нужно. Знание нужно, что мы без нее пропадем. Что она вся из себя такая святая спа-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

сительница. Ей на данный момент просто больше жить нечем, Леш. Нечем и некуда. Несостоявшаяся она как личность, как женщина. Вот и укрывается этим теплым одеяльцем — синдромом спасателя. И дальше еще круче будет, когда она совсем в раж войдет... Мы еще хлебнем горюшка со всем этим хозяйством, вот увидишь, и к дедушке Фрейду не ходи...

— Хм... А по-моему, ты все преувеличиваешь, Лесь. Причем так нехорошо преувеличиваешь... Я бы даже сказал, злобно.

— Может быть, может быть, спорить не буду... Я ж говорю, плохо себя чувствую. Устала... Оттого и мысли такие... Как ты говоришь — злобные. И ладно, все, не будем больше об этом... Давай лучше ужинать, Леш! Так вкусно от сковородки пахнет, с ума можно сойти!

Лешик тут же заторопился, аккуратно выложил красиво поджаренные котлеты на большое синее блюдо, поставил на стол. Затем быстро нарезал салат, заправил оливковым маслом.

— Лизуша! Мой руки и ужинать! — громко крикнул в сторону детской, развязывая за спиной тесемки фартука.

— Мам! У тебя в сумочке телефон песенку поет! — крикнула Лиза, пробегая мимо кухни в ванную.

— Да, доченька... Спасибо... Сейчас отвечу... — спохватилась она, подскакивая со стула.

Темное время души

Еще не открыв сумку, подумала отрешенно — точно ведь Танька звонит... Как говорится, помня лешего, а он уже тут как тут. Сейчас в гости наверняка проситься будет... Да, точно, это она! Абсолютно предсказуемый вариант!

И не ошиблась. Танькин голос уже звенел в трубке неотвратно:

— Лесь, привет! Вы дома уже?

— Дома, дома... Где ж нам еще быть?

— Ой, а я тут недалеко, у меня дела были... Ничего, что я забегу к вам на минутку? Соскучилась — жуть! А еще я тортик купила, Лесь! Фрукты во взбитых сливках, ты такой любишь, я знаю!

— Да приходи, Тань, чего уж... Могла бы и без тортика...

— Ой, а чего у тебя голос такой? Настроение плохое, что ли? Случилось чего, а я не знаю, да?

— Ничего не случилось.

— Но я же слышу... Голос у тебя такой, будто ты умрешь через пять минут!

— Не дождешься, не умру. Размечталась. Пока тортика твоего не попробую, не умру.

— А потом таки умрешь? Обещаешь? — нарочито громко засмеялась Танька, будто давала понять, что и она тоже вплыла в эту шутовскую тональность. И, не дождавшись ответа, проговорила уже более деловито: — Ладно, я скоро буду. До встречи.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Леся автоматически сунула телефон обратно в сумку, медленно поплелась на кухню. Лешик встретил ее осторожным вопросом:

— Я так понял, к нам Таня едет? Правильно?

— Правильно понял, молодец. Куда ж мы без Тани-то. Привыкнуть пора, что наша Сивка-бурка только одну дорожку знает.

— Тогда я еще один прибор поставлю...

— Да не старайся, она наверняка откажется от ужина.

— Почему?

— А она после шести не ест — все худеть пытается. Не дает ей покоя моя природная худоба, такую же хочет. Все ей надо такое же, как у меня... Будто моим двойником стать стремится.

— Ну, опять ты преувеличиваешь, Лесь...

— Ничуть! Я и сама этого не понимаю, но это на самом деле так! Вот охота ей себя истязать, скажи? Все равно ж такой, как я, никогда не будет, у нее кость широкая. Да это же настоящая китайская пытка — все время голодной ходить! Вот что у нее в голове происходит, скажи? Злит-ся, изводится и все равно прет как танк!

— Да она вовсе не злая, Лесь, что ты... Да, неустроенная, в этом ты права. И жаль, что неустроенная. Мне кажется, из нее бы хорошая жена получилась, добрая и заботливая. И куда мужики смотрят, интересно?

Темное время души

— А куда надо, туда и смотрят! — подняв плечи и ухватив себя ладонями за талию, кокетливо произнесла Леся. — И вообще... Я что, плохая жена, по-твоему?

— Да замечательная! — добродушно улыбнулся Лешик. — Только вечно чем-то недовольная и ворчливая, а еще злая и голодная! И на дачу к моей маме ехать не хочешь... А так... В общем и целом... Цены тебе нет, конечно, о чем тут еще говорить!

— А я ручки с мылом три раза помыла, чтобы совсем чистые были! — заскочила на кухню Лиза, демонстрируя родителям влажные ладошки. — И когда домой с улицы пришли, я тоже три раза мыла! Я хорошая девочка, я вирусом не заболею, правда?

— Да без вопросов даже! — растянул губы в улыбке Лешик. — Садись быстро за стол, доченька, будем маму кормить! Сейчас еще и тетя Таня к нам придет...

— Ура! Тетя Таня! — взмахнула ручками Лиза, глядя на отца тихими влюбленными глазами. — Я люблю, когда тетя Таня приходит... Она такая хорошая, она всегда мне книжку читает и красивую косичку заплетает! Вы такую косичку плести не умеете, вот!

Дверной звонок захлебнулся нетерпеливо и радостно, словно просил, требовал и торопил

ВЕРА КОЛОЧКОВА

впустить быстрее в квартиру неустроенную тетю Таню, которая умеет плести косичку.

— О! Она на метле прилетела, что ли? Или уже от подъезда звонила? — озадаченно подняла брови Леся. — Давай, хозяин, улыбайся шире, а я очаг разведу, одиноких женщин согреть будем! Ничего не поделаешь, судьба у нас такая!

Лешик ничего не ответил, только глянул с прежним укором — зачем ты так, мол... Повернулся, ушел в прихожую встречать гостью.

— Привет, Леш! Как у вас вкусно пахнет! С ума сойти! А где твои девочки? Где мои любимые девочки? Я так успела соскучиться, просто сил уже нет! На кухне девочки? Да, сейчас иду, только босоножки сниму да причешусь немного...

Лесе показалось, что Танькин голос вмиг заполнил все пространство квартиры, и будто весь кислород в себя втянул — нечем стало дышать... Даже зажмурилась на секунду от накатившей внутренней неприязни. А ведь так сидели хорошо на кухне, котлеты жарили... Никто в ухо не зудел, в любви вечной не клялся...

Танька влетела на кухню, обняла ее сзади, поелозила губами по затылку, потом так же накинулась на Лизу, смачно поцеловала в лоб, в щечки, в носик. Плюхнулась на стул, пробежалась по их лицам радостным взором.

Темное время души

— А я вовремя, да? Чего это вы с ужином-то припозднились?

— Да так получилось, Тань... Может, и ты с нами поужинаешь? — вежливо предложил Лешик, быстро глянув на Лесю.

— Да я же на диете, Леш! Мне нельзя!

— Ну, нельзя так нельзя...

— А, ладно! Уговорили, съем за компанию одну котлетку! Такой аппетитный запах стоит — аж в подъезде слышно! — тараторила Танька, принимая из Лешиных рук тарелку.

— Ой, не таракти так! Голова раскалывается... — тихо проговорила Леся, потянув ладони к вискам. — Садись, ешь лучше...

— А что с нашей буйной кудрявой головушкой случилось? Почему болит? Какие проблемы нас мучают? Переходный возраст у тебя вроде как позади, для климакса рановато...

— Да просто болит, и все! — резко ответила Леся, глянув на гостью злобно.

— А мама не хочет с нами к бабушке Маше на дачу ехать! — пожаловалась Таньке Лиза, откусывая от котлеты, целиком подхваченной на вилку. — Я слышала, как они с папой говорили про дачу, когда в комнате мультик смотрела!

— То есть как это мама не хочет? — опешила Танька, повернув к Лесе возмущенное лицо. — Это правда, Лесь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, правда. И что? Могу я чего-то хотеть, а чего-то не хотеть? — пожала плечом Леся, не поднимая глаз от тарелки.

— А я, Лесь? Как же я? — жалобно проговорила Танька и даже сглотнула болезненно. — Ты же обещала, что и меня возьмешь на дачу! Я так собиралась, всю неделю мечтала... Я семена купила для Марьи Кирилловны, я новый рецепт засолки огурцов нашла в интернете...

— Ой, вот только не надо причитать, Тань, пожалуйста! Собиралась, так поезжай, кто тебе не дает! — отмахнулась от нее Леся.

— Нет, как это, подожди... Это как будет выглядеть? Лешик приехал на дачу к своим родителям с подружкой жены? Думай, что говоришь...

— Да ладно! Они тебя не знают, что ли? Скажешь Марье Кирилловне, что очень хотела поехать, а я, такая-сякая, взяла да заболела... А тебе, мол, надо непременно сообщить ей новый рецепт яблочного варенья... Или чего там за рецепт, я забыла...

— Засолки огурцов... — автоматически поправила Танька, по-прежнему глядя на Лесю с озадаченной тоской в глазах.

— Ну да, ну да! Конечно же! Все это ей скажешь, и она тебя с распростертыми объятиями примет! Это я гарантирую, так и будет! Кому ж

Темное время души

неинтересен рецепт засолки огурцов, сама подумай?

Лешик, торопливо дожевывая котлету и желая что-то сказать, протянул уже к ней руку и, поперхнувшись, сильно закашлялся, уронив со звоном на пол свою вилку.

— Вот видишь, Танька, и Лешик не против, чтобы ты с ним поехала... — ехидно улыбаясь и похлопывая его по спине, добавила Леся. — А у меня и в самом деле голова болит! Я лучше дома полежу, в тишине. А ты временно займешь мое место!

— Ой, ну что ты говоришь, ей-богу... Какое такое место... — неловко глянула на нее Танька и покраснела вдруг, подхватила тут же со стула с испуганным, почти истерическим кличем: — Ой, я же тортик в прихожей забыла! Сейчас принесу, его же в холодильник засунуть надо! Такой тортик лучше холодным есть...

И дальше вечер пошел, как обычно, в стиле кухонных посиделок с сухим красным вином, принесенным Танькой тортиком да едва слышным бормотанием телевизора. Ровно в полдевятого Лешик уложил Лизу спать, ровно в полдесятого Танька засобиралась домой, милостиво разрешив Лешику вывести ее через двор и темную арку на освещенную и людную улицу, к автобусной остановке. Все как обычно, потому что так и должно быть, потому что у всех так быва-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ет с подругами, которые заглядывают на огонек. Только не всех это так раздражает...

— Слушай, а ты и в самом деле что-то неважно выглядишь! Может, тебе отдохнуть и куда-нибудь съездить? — заботливо спросил Лешик, вернувшись после Танькиных проводов. — Ты бледная такая... Глаза тусклые, как у больной мышки...

— А я тебе такой не нравлюсь, да? Избавиться хочешь?

— Ну зачем ты так? Я ж серьезно! Съезди куда-нибудь, развейся! Нет сил на тебя глядеть, ей-богу!

— Да куда я поеду? Ты ж прекрасно знаешь, что сейчас никто никуда не ездит, Леш!

— Ну почему? Я слышал, в Турцию сейчас можно...

— Не хочу в Турцию. Не люблю я Турцию. Надоела. К тому же мы прошлым летом там три недели отдыхали. Да и кто меня отпустит в Турцию, скажи? У меня ж отчет на работе скоро начнется. Хотя от меня никто трудовых подвигов не ждет, но у нас так принято, чтобы во время отчета все были на своих местах, пусть и номинально. Все знают, что я начальнику родственницей прихожусь.

— Да ерунда! Я договорюсь с Леней, он тебя без звука отпустит! Это он тебе начальник, а мне — брат двоюродный... А что? Возьмешь